

Выходные данные:

Бочаров А.В. Роль soft power в формировании условий реализации «цветных революций» // Дискурс-Пи: научный журнал. – 2017. - № 3-4 (28-29). – С. 261-267.

ISSN 1817-9568

УДК 327.8

**Роль soft power в формировании условий
реализации «цветных революций»**

**The role of soft power in shaping the conditions
for the implementation of «color revolutions»**

Бочаров Алексей Васильевич,
Уральский институт управления - филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Кафедра государственного управления и политических технологий,
аспирант,
Екатеринбург, Россия
E-mail: alexboc@bk.ru

Alexey V. Bocharov,
Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
Department of Public Administration and Political Technologies,
postgraduate,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: alexboc@bk.ru

Аннотация. Характеризуется генезис понятия «мягкая сила» в трудах Дж. Ная и других авторов, проиллюстрирован производный характер «умной силы» (smart power) от soft power. На основе эмпирического и теоретического материала структурно рассмотрены основные элементы soft power (культура, дипломатия, политическая идеология) в соотношении с тем значением, которое они имеют в формировании условий реализации «цветных революций». Изложен возможный тренд модификации феномена soft power в network power («сетевая сила»). Используются актуальные литературные источники.

Ключевые слова: soft power; smart power; network power; цветные революции; Арабская весна; Евромайдан

Abstract. The article describes the evolution of the concept of «soft power» in the writings of John Nye and of other authors, shows the derived nature of phenomenon of «smart power». Empirical and theoretical material has become the

basis for a structural review of the key elements of soft power (culture, diplomacy, political ideology) in relation to the importance that they have in shaping the conditions for the implementation of «color revolutions». It presents a possible trend modifications of the phenomenon of soft power in the political «network power». It's based on contemporary literary sources.

Keywords: soft power; smart power; network power; color revolutions; Arab Spring; Euromaidan

Широко эксплуатируемый в научном и публицистическом дискурсах концепт soft power насчитывает без малого три десятилетия (впервые употреблён давно не нуждающимся в представлении Дж. Наем в 1990 г. в его труде «Bond to Lead: The Changing Nature of American Power»). За истекший период «меняющаяся природа власти» - с жёсткой (hard power) на мягкую и гибкую - стала характерной не только для США как «призванной к лидерству» колыбели soft power, но и для других крупнейших геополитических центров (Япония, КНР, Европейский союз). В более поздних работах Най, раскрывая социетальный феномен soft power, отмечал, что «страна может получить желаемые результаты в мировой политике, когда другие страны хотят следовать за ней, восхищаясь её ценностями, подражая её примеру, стремясь к её уровню процветания и открытости» [13, p. 14].

В новейших американских источниках встречается новое понятие – smart power (умная сила). Его, например, использует в мемуарах о своей дипломатической службе Х. Клинтон (государственный секретарь США в 2009-2013гг.), ссылаясь на авторство «Джозефа Ная из Гарварда, Сюзанну Носсел из Human Rights Watch и некоторых других, хотя мы все имели в виду несколько разные значения. Для меня умная сила означала выбор правильной комбинации инструментов - дипломатической, экономической, военной, политической, правовой и культурной - в каждой ситуации» [11, p. 33]. Приведённое наполнение дефиниции smart power лишь подтверждает, что она является производной, вторичной к soft power как базовому понятию, поскольку все перечисленные составляющие «умной силы» идентичны «мягкой силе», за исключением двух дополнительных, экономического и военного, компонентов.

В данной статье попытаемся охарактеризовать влияние soft power на явление, вошедшее в политический дискурс под собирательным наименованием «цветных революций».

Именно США считаются вдохновителями феномена «цветных революций», которые в XXI веке особенно ярко проявились на постсоветском пространстве, странах Северной Африки и Ближнего Востока. В политической науке остаётся нерешенным и глубоко дискуссионным вопрос о том, какова роль soft power в реализации стратегий и тактик «цветных революций». Говоря точнее, насколько инерционный и естественный (неслучайно Дж. Най сравнивал soft power с погодой) - либо, наоборот, манипулятивный и целенаправленный характер имеет soft power на зарождение, течение и результаты «цветных революций»? Каково значение «мягкой силы» в нарастании революционной динамики по сравнению с другими факторами?

В поиске ответа на указанные вопросы следует структурно рассмотреть инструментарий soft power, определяя, какие его элементы могут иметь значение для формирования условий реализации «цветных революций».

Культура

Повсеместная распространённость популярных образов современной западоцентричной культуры превращает их в образцы моды, стиля жизни, эталоны повседневного поведения, привлекательные в других частях мира. Концепт soft power активно применяется для «осмысления глобальных процессов маркетинга и медиатизации общественной жизни, изучения таких знаковых феноменов современности, как общество массового потребления, консюмеризм, массовая культура» [7, с. 180].

Влияние «мягкой силы» культуры на политическую сферу настолько велико и неоспоримо, что заставляет политических акторов вступать в агрессивное противоборство на культурном фронте, в частности, в музыке и спорте. Примерами служат антисоветский бойкот Летней Олимпиады в Москве 1980г., «провокационные акции ЛГБТ, пропагандируемые США на Зимних играх в Сочи 2014г.», присуждение победы на «Евровидении» 2016г. представительнице Украины за антисталинскую композицию о депортации крымских татар («удар по России за переход Крыма в 2014г.»), а также попытки «опрокинуть репутацию ФИФА до Чемпионата мира по футболу 2018г. в России» [12].

В осуществлении «цветных революций» первостепенное символическое значение имеют те произведения культуры, которые несут субверсивный смысловой заряд, идеи сопротивления и освобождения, кроме того, доступны для массового эмоционального восприятия. Речь идёт, прежде всего, о музыке, которая «способна обеспечить мобилизацию, подарить людям ощущение единства и сплочённости без длинных объяснений, напрямую апеллируя к их чувствам» [9, с. 269]. Авангардом выступает рок, пришедший на постсоветское пространство с Запада, символизирующий протест и стремление к запретной свободе. Так, обе украинские революции («оранжевая» 2003г. и Евромайдан 2013-2014гг.) «самым тесным образом связаны с рок-музыкой. Политические акции выглядели синтезом собственно митингов и рок-фестивалей. И ещё вопрос, кто сделал для мобилизации общества больше: политики своими выступлениями или рок-группы своими песнями» [9, с. 270].

То, что именно сфера культуры является передовой, на которой soft power борется за охват новых географических горизонтов, подтверждается зеркальными мерами, которые предпринимает государственная власть, опасаясь реализации в отношении себя сценариев «цветных революций». Так, вскоре после «оранжевой революции» в Украине, в 2005г., руководство Российской Федерации разработало и приступило к имплементации «целой антиреволюционной доктрины», включавшей в себя формирование лояльности «самых популярных российских рок-музыкантов – чтобы завербовать» [4, с. 125].

Говоря о культурных предпосылках «цветных революций», следует отдельно упомянуть фактор феминизации, распространения в обществе идей

гендерного равноправия (как правило, за счёт усиления социальной роли женщин).

В преддверии событий «Арабской весны» североамериканские идеологи в контактах со странами Магриба и «ал-Машрика» настойчиво продвигали принципы всеобщего женского образования. Для убедительности в выступлениях перед местной студенческой аудиторией цитировался египетский писатель Ибрагим М. Хафиз («Мать – это школа. Сделайте ее авторитетной, и вы укрепите великую нацию»). Обнадёживающе провозглашалось, что, невзирая на ограниченные возможности женщин публично участвовать в жизни ультраконсервативного арабского общества, «нет ничего ограниченного в их интеллекте, энергии и любознательности» [11, р. 354-355]. В социуме многовековой и тотальной рестрикции женских свобод подобные увещевания имели закономерно благодарный отклик. Вслед за преодолением табу на демократизацию роли женщины происходила эрозия других запретов (например, на протестные выступления и на вообще массовое давление на власть).

В культурную компоненту «мягкой силы» входит и уровень «диджитализации» общества в стране, столкнувшейся с реальной или потенциальной угрозой «цветной революции». Наличие современных коммуникационных гаджетов и девайсов, с обязательным доступом в Интернет, возможность постоянного общения в социальных сетях – это одновременно и самостоятельные символы-соблазны soft power, и средства для её проникновения в политику (в нашем случае – для влияния на массовую революционную динамику). «Бурное развитие информационных технологий породило новую волну оболыщения – оболыщение интерактивностью, персональной вовлечённостью в производство информационного продукта, собственной значимостью в Интернет-пространстве» [7, с. 182]. В опыте последних «цветных революций» социальные медиа (особенно Facebook и Twitter) выполняли координирующую и мобилизующую функции, создавали видимость того, что за радикальную смену власти выступает большинство общества [8, с. 249-272].

Таким образом, целесообразно описать действие soft power в «цветных революциях» в том фоновом смысле, что «культура бросает вызов политической власти» [9, с. 270].

Дипломатия

Следующим фундаментальным элементом «мягкой силы» выступает дипломатия в широком её понимании. В отличие от инструментария культуры, распространение привлекательных образов которой имеет лавинообразный характер и подвержено многочисленным флуктуациям, внешняя политика в парадигме soft power гораздо более управляема со стороны государственных акторов.

Автор данной работы полагает, что дипломатический инструментарий soft power в значительном объёме (во всяком случае, на теоретическом уровне) синонимичен понятию «вовлечение». Апологет soft power Дж. Най назвал это «открытым и плюралистическим способом осуществления внешней политики»

США, «позволяющей другим иметь голос и способствовать нашей мягкой власти. Влияние американского превосходства смягчается, когда оно воплощается в сети многосторонних учреждений, которые позволяют другим участвовать в принятии решений и действуют как своего рода мировая конституция...» [13, p. 17].

Вместе с тем, в июле 2015г., представляя очередной «Глобальный рейтинг мягкой силы» (ежегодное ранжирование 30 стран по уровню soft power), Най хотя и отметил её возрастающую роль для «эффективных внешнеполитических стратегий» в наступившую эпоху глобальной информатизации, тем не менее, констатировал недостаток рационализации в применении soft power со стороны правительств, которые «должны сначала понять ресурсы, которые они могут развернуть, и определить, где они могут быть эффективными». «До сих пор это слишком часто зависело от угадывания и интуиции с небольшим шансом для стран сравнить ресурсы или возможности, не говоря уже о результативности» [14, p. 7].

В российской политической науке ёмкое определение diplomatic soft power дано дискурсологом О.Ф. Русаковой: это «дипломатическая репутация страны, показатели эффективности дипломатических усилий в сфере переговорного процесса, степень миролюбия, способность к предотвращению агрессии и нейтрализации угроз, способность к установлению глобальной повестки дня» [6, с. 121]. В формировании условий свершения «цветных революций» особое значение принадлежит публичной дипломатии, которую в интересующем нас контексте следует понимать и как взаимодействие внешнеполитических властей государства-источника soft power с оппозиционными и гражданскими структурами страны, переживающей предреволюционную ситуацию. Подобные мероприятия открыто практикует Государственный департамент США: активистам и диссидентам при участии руководителей Twitter, Facebook, Microsoft и Skype прививаются компетенции по организации массового протеста, защите анонимности и конфиденциальности в Интернете, преодолению запретов и ограничений властей на интерактивную сетевую коммуникацию [11, p. 545].

При анализе дипломатических возможностей soft power нужно обратить внимание на доминирующую предвзятость в оценках того, насколько значительна внешнеполитическая «организующая» составляющая «цветных революций». В российском медийном и политологическом дискурсах преобладает подход, который образно воплощён в пропагандистском меме о «печеньях и бутербродах от Виктории Нуланд» (по имени бывшего помощника Госсекретаря США, раздававшей угощения участникам Евромайдана в Киеве в феврале 2014г.).

Отечественные академические исследователи, публицисты и журналисты склонны преувеличивать значимость действий иностранных акторов в инспирировании «цветных революций» [1, с. 62]. «Московские конспирологи... пришли к выводу, что... революции вокруг границ России, грузинская, украинская... - результат антироссийского заговора» [4, с. 132]. «Роль главного закопёрщика революций и мировой нестабильности отводится США», где в

специальных научных центрах якобы разрабатываются чудовищные проекты, вплоть до модификации наркотических средств, провоцирующих общество на «цветные революции» [8, с. 31, 37]. В подобных интенциях ошибочно упускается базовое положение из теории о новейших политических революциях (изложенное в трудах, например, Дж. Голдстоуна), согласно которому фактор зарубежного влияния является лишь одним (и далеко не обязательным) из пяти элементов, которые приводят к «неустойчивому социальному равновесию», порождающему революционные катаклизмы [3, с. 35].

Резюмируя изложенное, подчеркнём, что дипломатический арсенал (включая ресурсы публичной дипломатии) soft power не обладает решающим перевесом в создании условий для «цветной революции», но осуществляет важную функцию подготовительного политического просвещения, поддержки оппозиционных групп, в целом – идейно-политического раскрепощения общественных настроений.

Гиперболизация политических соблазнов

Отдельного внимания заслуживает политический компонент soft power, который даёт обществу, испытывающему воздействие «мягкой силы», притягательные контуры справедливого переустройства власти, настраивает на необходимость борьбы за свободу (зачастую - мнимую).

«Цветным революциям», как правило, подвергаются авторитарные и полуавторитарные режимы с ассиметричной политической системой и отсутствующими (либо номинально наличествующими, но не работающими) каналами обратной связи. В ряду последних – зарегулированное, фактически цензурируемое медийное пространство и избирательная система, переполненная такими процедурными нагромождениями, которые нацелены на максимальное подавление политического участия и делают невозможной легитимную смену власти. «Цветные революции» «случались на фоне столкновения прозападных и традиционалистских сил, а иногда стихийно разгорались в странах, где диктатуры становились совершенно нетерпимыми» [5].

На противоположной стороне – притягательная политическая модель, обнадёживающая шансом на справедливость, честные выборы и другие формы реальной коммуникации с властью, общественный контроль над ней, а также на высокие социальные стандарты, приоритет прав и свобод человека, гендерную эгалитарность, прозрачные условия предпринимательства. В интерпретациях soft power «цветная революция» представляется необходимым шагом ускоренной демократизации для достижения перечисленных идеалов «народовластия», в основе которых простирается диалоговый характер демократического дискурса [7, с. 178-179]. Институциональные ориентиры soft power – парламентаризм, независимая судебная система, уважающие права личности силовые органы, социальное государство.

Лидеры «цветных революций», соблюдая каноны «мягкой силы», действуют по правилам политического обольщения, с «нарочитой персонализацией и гуманизацией своих образов», соответствуя новым

ценностям, «каковыми являются доверительность, доступность, искренность, личное обаяние, демократизм» [7, с. 182-183].

Не вступая в малопродуктивную полемику о том, насколько правдивы социополитические контуры вестернизации, продвигаемые в рамках soft power; или, напротив, они служат лишь манипулятивным симулякром-приманкой для возбуждения революционного протеста в странах с иными традициями управления, - ограничимся корректным доводом: как во всякой модели, в образцах «мягкой силы» заложены идеализация и иллюзорность.

В теоретическом и прикладном аспектах имеет значение, что желание освоить именно эти жизненные горизонты и ответная противодействующая реакция властей провоцируют непредсказуемую массовую динамику, способную перерасти в очередную «цветную революцию» (в чём и заключается интересующая нас корреляция феноменов «мягкой силы» и «цветной революции»). Наглядная иллюстрация данного тезиса произошла в Украине на рубеже 2013-2014гг., когда президент страны В.Ф. Янукович, вопреки настроениям значительной части общества, внезапно приостановил готовившееся с 2007г. подписание Соглашения об ассоциации с Европейским союзом, что незамедлительно вызвало протестные шествия и митинги («За Европейскую Украину!») в столице и регионах, завершившиеся сменой власти в феврале 2014г. и вошедшие в историю как Евромайдан или «революция достоинства».

Таким образом, «мягкая сила» является «подготовительной почвой» макрополитического конструирования, которую возделывают дипломатические и прочие акторы «цивилизованного Запада» и на которой произрастают причины и условия «цветных революций». Западные культурные идеалы и политические образцы служат идейной и инструментальной основой стихийного и организованного массового протеста. Ответные меры государств по противодействию «цветным революциям» служат дополнительным подтверждением действенности soft power.

В настоящее время имеются основания прогнозировать выдвижение новых глобальных междисциплинарных феноменов в развитие концепта soft power. Речь идёт, например, о понятии network power («сетевая сила»), предложенном в 2014г. профессором Кембриджского университета Р. Андерсоном. Он сравнивает network power по мощи политического воздействия с силой «городов, языков и религий». «Сила - это много всего. Это не просто «жесткая сила» числа наших авианосцев и ядерных боеголовок или даже «мягкая сила» нашего экспорта фильмов и числа иностранных студентов, которые приезжают в наши университеты, - пишет Андерсон. - Это наша «сетевая сила»: способ, которым наша взаимосвязь позволяет нам влиять на других, действовать по своему усмотрению и удерживать их от действий, вредных для наших интересов». Отечественные учёные уже проявляют интерес к network power как политологическому явлению [2], отображающему влияние современного государства на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров А.В. Трансформация понятия государственного суверенитета в современной политической науке и практике // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Научно-практическая конференция с международным участием. Екатеринбург. 24 ноября 2016 г. – Сб. статей. – Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2016. С. 61-63.
2. Буев М. Россия игнорирует «социальные сети» // Ведомости. 09.07.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/10/717240-grossiya-ignoriрует> (дата обращения: 15.07.2017).
3. Голдстоун Джек А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. – 192 с.
4. Зыгарь М. Вся кремлёвская рать: Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература. 2016. – 408 с.
5. Иноземцев В. Мы просто не умеем их готовить // Газета.Ру. 06.06.2017 URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10708517.shtml (дата обращения: 11.07.2017).
6. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32. С.118-121.
7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2010. № 10. С.173-192.
8. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо. 2015. – 320 с.
9. Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо. 2016. – 320 с.
10. Anderson R. Privacy versus Government Surveillance: Where Network Effects Meet Public Choice // 13th Annual Workshop on the Economics of Information Security Pennsylvania State University. June 23-24. 2014. URL: <http://www.econinfosec.org/archive/weis2014/papers/Anderson-WEIS2014.pdf> (дата обращения: 18.12.2016).
11. Clinton H.R. Hard Choices // New York: Simon & Schuster. 2014. 635 p.
12. Madsen W. The West's Soft Power Cultural Aggression // Strategic Culture Foundation. 17.05.2016. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2016/05/17/the-west-soft-power-cultural-aggression.html> (дата обращения: 10.06.2017).
13. Nye Josef S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford: Oxford University Press, 2002, 222 p.
14. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power // Portland PR Limited. 2015. 53 p.